

Международная конференция

ПУШКИН И УНИВЕРСУМ РУССКОГО МИРА.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Институт философии*

*Сборник статей
21–22 ноября 2024 г.
Санкт-Петербург, Россия*

International Conference

PUSHKIN AND THE UNIVERSE OF RUSSIA.

*Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy*

*Conference papers
St. Petersburg, Russia
November 21–22, 2024*

СЕКЦИЯ «ДИСКУРСЫ ВОЙНЫ И ЯЗЫК МИРА»

УДК 101.1

Соколов А.М.,*доктор философских наук, доцент**Санкт-Петербургский государственный университет,**г. Санкт-Петербург, Россия**E-mail: docentsokolov@yandex.ru***Дискурсы войны и язык мира:****Данилевский против Хантингтона.****Sokolov A.M.,***doctor of Philosophy, Associate Professor.**St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia**E-mail: docentsokolov@yandex.ru***Discourses of war and the language of peace:****Danilevsky v. Huntington.**

Аннотация. В статье рассматривается проблема особенностей цивилизационных стратегий в зависимости от различных ценностных оснований, из которых они развились. В центре внимания западная и русско-российская цивилизации.

Abstract. The article deals with the problem of the features of civilizational strategies depending on the differences in the value bases from which they developed. The focus is on Western and Russian-Russian civilizations.

Ключевые слова: язык, дискурс, война, мир, захват, освоение, Н.Я. Данилевский.

Keywords: language, discourse, war, peace, capture, mastering, N.Y. Danilevsky.

Эпоха модерна – это эпоха буржуазного мегадискурса, производного от удостоверяющей себя саму субъективности. Мегадискурс разворачивался как совокупность сосуществующих дискурсов политических, экономических, классовых, конфессиональных, национальных и др. Каждый из таких дискурсов оформлялся через ту или иную ценностно-смысловую структуру, выражавшуюся в определенной знаково-символической системе. Обязательным условием существования каждой из этих систем было и остается сохранение внутренней устойчивости в противостоянии с другими системами. Собственно, противостояние в виде классовых столкновений, экономической конкуренции, политической конфронтации утверждало себя в качестве универсального отношения, субстанциальным элементом которого является конфликт как таковой. Социально-философская и философско-историческая мысль западноевропейской классики именно так истолковывает сущность человека, общества, истории. Начиная с реанимирования Гоббсом древнего тезиса о «войне всех против всех» западное сознание удерживает его явно и неявно в качестве своеобразного цивилизационного нарратива.

Приведу одно из наиболее авторитетных суждений, принадлежащее И. Канту: «Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, – это антагонизм их в обществе, поскольку он, в конце концов, становится причиной их законосообразного порядка». Далее Кант поясняет, что «под антагонизмом» он понимает «недоброжелательную общительность людей, т. е. их склонность вступать в общение, связанную, ... с всеобщим сопротивлением...» [1, 10]. Такова сущность не отдельного человека, но – сущность самой природы, которая, надо полагать в просвещенном разуме европейца с легкостью заменила Творца. «Да будет

благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! ...Природа лучше знает, что для [человеческого – А.С.] рода хорошо; и она хочет раздора [1, 11].

Чтобы показать универсализм данного нарратива, для начала можно было бы упомянуть о теоретических обоснованиях колониальной политики, которые мы находим в «невинном культуртрегерстве» Дж. Локка и позже у И. Фихте, утверждавшего в лекциях о «основных чертах современной эпохи», что «естественная война, с окружающей их дикостью имеет большое значение для истории»; и «едва ли не одна она вносит в историю жизненное и прогрессивное начало». Более того, он не видел ничего предосудительного в том, чтобы культурное государство, «побуждаемое собственными потребностями», «само разыскивало дикарей» для захвата у них «неупотребляемыми ими продуктов» [2, 523].

Последние несколько десятилетий в русско-российской академической среде не принято связывать новоевропейскую классику философской мысли с ее буржуазной сущностью. Тем не менее, это – так: Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо, И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель – составили основу именно буржуазного миропонимания, выразив и определив суть западной цивилизации. И рассматривая историю последних двух, трех столетий, включая настоящий момент мировой истории, мы можем сказать, что суть буржуазного мегадискурса сводится, с одной стороны, к поддержанию постоянной принципиальной враждебности в универсуме, а, с другой, к контролю и управлению враждующими сторонами.

Буржуазный мегадискурс реализовался в двух модальностях: скрытого сговора и явного договора. Причем «сговор» имеет безусловное первенство по отношению к

«договору». Явный договор возможен только на основании скрытого сговора. Понятно, что серьезная аналитика «сговора» осложняется непубличным характером отношений, в которых он осуществляется. Но мы можем судить о его реальности по мере того, как его последствия проявляются в публичном пространстве и по тем документам, которые фрагментарно становятся доступными, благодаря случайным утечкам информации или специальным исследовательским мероприятиям. Да и надо ли бы быть очень информированным исследователем и обладать исключительными аналитическими способностями, чтобы не понимать, что за большинством наблюдаемых и наиболее обсуждаемых по видимой важности политических, экономических соглашений стоят события, публикация которых в принципе невозможна. Такие «события» составляют своего рода «метафизику» современности. Можно сказать, что на смену древней тайне Завета или благодати Откровения сегодня пришел «секретный сговор». О таком «сговоре» появляется все больше литературы, причем как публицистического так и академического содержания.

Русско-российский мир, начиная с XVII века, находится в непосредственном взаимодействии с буржуазным мегадискурсом. Однако все попытки вписаться в него приводили Россию только к радикальной конфронтации с его носителем (буржуазным западом), чреватой для нее политической катастрофой, социокультурной и духовной деградацией. Причина такого положения вещей, вероятно, связана с изначально другой моделью организации цивилизационного пространства, исключая элемент «скрытого сговора» и строится на принципиальной готовности вести партнерский диалог с любым, кто не скрывает своих намерений, какими бы они ни были.

Принципиальная открытость по отношению к другому – свидетельство внутренней самодостаточности, ис-

полненности, Принципиальная открытость гарантирует обнаружение общих ценностно-смысловых констант, ориентиров вне зависимости от различающихся знаково-символических систем. Такие способы взаимодействия сходятся в едином пространстве языка, несмотря на фонетические или синтаксические различия. Именно поэтому язык А.С. Пушкина смог стать, своим, родным, т.е. порождающим, и для славянина, и для финна, и для тунгуса, и для калмыка. И поэтому же Ф.И. Тютчев не мог не противопоставить мистерии «единства железа и крови» простой язык согласия и любви.

В связи с этим очень актуальными представляются размышления о России и Европе Н.Я. Данилевского. Обращаясь сегодня к ним, осознавая, что ничего по существу не изменилось в отношении Запада к России, несмотря массу самых разных событий, произошедших за сто пятьдесят лет, нельзя не понять, что мы имеем дело с цивилизационным противостоянием. Более того – мы связаны делом. И смысл этого дела – не противостояние само по себе, а – освобождение от ценностной доминанты, которая нам противна, и которая нам нужна только в «воспитательных» целях. Что бы пояснить свою мысль приведу несколько выдержек из книги Н.Я. Данилевского, касающихся фундаментального мировоззренческого различия европейца и русского.

Первая: «Насильственность – одна из черт, общих всем народам романо-германского типа, Насильственность есть ничто иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неправомерный ему» [3, 216].

Вторая: «Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена.... [3, 225]. Чуждые всякой насильственности отношения как русского народа, так и самого правительства к подвластным России народам ... до такой степени, что нередко обращаются в несправедливость к самому коренному русскому народу. Тот же характер имеет и вся внешняя политика России, также нередко к ущербу России. Эта чересчур бескорыстная политика часто имела весьма невыгодные результаты для тех, которые имели более прав на нашу помощь и на наше сочувствие; но самая несправедливость, самые ошибки эти имели, тем не менее, своим источником отсутствие насильственности в характере, побуждавшее жертвовать своими интересами – чужим» [3, 228].

Н.Я. Данилевский в этом психическом различии видит главную причину цивилизационного различия – точнее различия цивилизационной стратегии. В случае с Европой – стратегии завоевания («политического убийства» или «политического изувечения») и присвоения. В случае с Россией – стратегии заботы, опеки или освоения. Данилевский, к сожалению, не задается вопросом, какова природа того психического (душевно-духовного) строя русского человека, развивая который он стал проводником небывалой цивилизационной стратегии. Поэтому осмелюсь выдвинуть собственное предположение. Задатки русского психического строя были присущи нашим предкам (не зависимо от их расовой, этнической, конфессиональной определенности), у которых хватило духа, мужества смелости, отозваться на зов суровой земли евразийского пространства. Изначально наши предки были людьми «длинной воли» - бесстрашными по отношению к ужасу стихий, которые они посмели осваивать, усмирять, претворять порядок русского мира. Бесстрашие перед любыми препятствиями, угрозами как начало подлинной свободы, откры-

тости всему сущему, доверия к нему стало залогом постижения безусловного родства с миром, осуществляющегося в метаполитике «братства». Вот как об этом хорошо написал П.Н. Савицкий: Недаром над Евразией веет дух своеобразного «братства народов», имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас – от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это «братство народов» выражается в том, что здесь нет противоположения «высших» и «низших» рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается «воля к общему делу» [4, 302].

Отсюда следуют не «классовая идеология», а – державность согласного слова; не гражданский договор, а – единство народа; не столкновение цивилизаций, а – диалог культур; не гражданская война, а – братский мир; не дискурсы права, а – язык правды; не игры разума, а – исповедь души.

Список литературы

1. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения в 6-ти т. М., «Мысль», 1966. Т. 6. С.5-23.
2. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г.. Сочинения в 2-х т. СПб, «Мифрил», 1993. Т. 2. С.359-617.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., «Институт русской цивилизации», 2008.
4. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., «Аграф», 1997. С. 295-303.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Грант №24-28-00880 «Естественно-историческая аксиоматика космологического императива в национальном самосознания России (на материале русской литературе XIX-XX вв.)».
<https://grant.rscf.ru/site/user/forms?rid=0000000000000006374093-1>

УДК 101.1

Козлов Г.В.,
*аспирант Института философии,
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: st091666@student.spbu.ru*

**Диалектика войны и мира в колониальных стратегиях
буржуазного мира**

Kozlov G.V.,
*Postgraduate student at the Institute of Philosophy,
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: st091666@student.spbu.ru*

**The dialectic of war and peace in the colonial strategies of
the bourgeois world.**

Аннотация. Статья рассматривает колониальные стратегии буржуазного мира через призму диалектики войны и мира. Автор показывает на примере исторических форм колониализма противоречие между формой осуществления и сущностью данного явления. Статья подчеркивает, что под внешней мирной экономической и культурной политикой скрывается глубокое порабощение глобальным гегемоном других культур и народов.

Abstract. The article explores colonial strategies of the bourgeois world through the dialectic of war and peace, highlighting contradictions between execution and essence. It emphasizes that beneath external peaceful economic and cultural policies lies deep enslavement of cultures and peoples by the global hegemon.

Ключевые слова: колониализм, неоколониализм, война, мир, диалектика.

Keywords: colonialism, neocolonialism, war, peace, dialectics.

С пропедевтической точки зрения диалектику того или иного нечто легко узреть на примере парных категорий (в философии) таких как, например, единичное и общее, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, содержание и форма, сущность и явление. Особенность, то есть диалектичность, данных понятий выражается в том, что, являясь противоположностями, эти категории не могут существовать друг без друга, они предполагают друг друга. Так, единичное содержит в себе и предполагает общее, а общее всегда содержит в себе и предполагает единичное. Уходя от категорий философии к более конкретным понятиям из разных областей бытия, то можно обратиться к понятиям родители-дети, муж-жена. Нельзя рассуждать о детях или муже, не подразумевая родителей или жену. Не бывает мужа без жены или родителей без детей. На этом примере с точки зрения пропедевтики, наглядно виден диалектический принцип отрицания с удержанием. Муж — это не жена, но только при наличии жены, он и есть муж.

Собственно такие понятия как война и мир, даже в непосредственном созерцании являются диалектичными. И с ними также вполне возможно произвести диалектические

переходы, описанные выше. Но данное действие — это оперирование понятиями, взятыми как категории мышления, и применяемая к ним диалектическая логика мышления. Переходя к предмету исследования нас прежде всего интересует диалектика развития материи, которая, в свою очередь, рождает явления. В частности, социальная материя рождает социальные явления, в том числе Войну и Мир. Чтобы выявить диалектику войны и мира, необходимо понять, что есть Война и Мир как явления.

Война и мир давно вошли в лексикон всех народов Земли. Эти слова сопровождают существование не только отдельно взятых народов и государств, но и всей человеческой цивилизации. За более чем 6 тысяч лет известной нам истории человечества на Земле произошло около 15 тысяч войн, жертвами которых стали примерно 4 млрд. человек. Завершившийся XX век вопреки надеждам и расчетам исключить войну из человеческой жизни оказался самым воинственным и кровавым. В войнах, военных конфликтах и других актах вооруженного насилия только в XX веке погибло 140-150 млн. человек, из которых 1/3 приходится на Россию. Сейчас в ведущих государствах модернизируются армии, планируются и отрабатываются модели войн XXI века.

То есть, общество, если взглянуть на него с точки зрения истории, существует в двух противоположных состояниях: либо мира, либо войны. Таким образом, войну и мир можно рассматривать как состояние социального бытия.

Во-вторых, войну и мир можно рассматривать, следуя учению Карла фон Клаузевица, как формы и средства внешней, межгосударственной политики. Тогда, война как средство и форма внешней политики есть контроль, навязывание, принуждение, агрессия, захват и экспансия. А

мир - взаимовыгодное политическое, экономическое и культурное сотрудничество и обмен.

Диалектика войны и мира и как состояний социального бытия и как форм и средств государственной внешней политики выходит на поверхность при скрупулезном рассмотрении такого явления как колониализм со всеми его историческим формами.

Эпоха первого этапа колониализма началась с начала XVI века и закончилась к концу первой половины XX века. Данная форма колониализма отличается присоединением к государству-метрополии территорий других народов, методом прямого военного захвата. Геноцид и убийства, применение рабской эксплуатации к автохтонным народам, разжигание гражданских и межплеменных войн – все эти акты, олицетворяющие первый этап колониализма, выходят на передний план при рассмотрении данного явления. Однако за этой наглядной хищнической, мародерской и крайне жестокой формой политики государств-метрополий того времени, скрывалась другая малозаметная и в моменте не облегчающая жизнь колониальных народов сторона явления. Сама того не желая власть метрополии избавляла поработенные народы от старых форм экономической эксплуатации, первобытных пережитков, способствовала технической модернизации, приходу современной медицины, образования и видов администрации. Так, при всех ужасах захвата и порабощения других народов, у колониализма как явления была и другая противоположность – способствование историческому прогрессу, что, тем не менее, не обеляет и не умоляет те беды и те разрушения, принесенные колонизаторами на поработенные территории. Эта «прогрессивная» сторона колониализма была неминуемым следствием все большей и большей жажды прибыли и механизмов работы невидимого крота истории. Таким образом, эти два момента (военно-

политическое и экономическое порабощение и развитие материальной и культурной основы общества) одного не-что находились в постоянной борьбе и одновременно с этим в единстве, рождая такое явление как Колониализм.

В свою очередь, совершенно противоположным образом перед нами предстает следующая форма колониальной политики известной, как неоколониализм. Неоколониализм как явление проявляет себя с начала второй половины XX века. Основное качественное отличие колониализма от неоколониализма заключается в наличии у поработанных народов своей, на первый взгляд, суверенной государственности и власти, состоящей из коренного населения. А основное сходство в продолжении эксплуатации и зависимости от государств-метрополий.

История показывает, что в колониальных практиках, как XVI века, так и XX века, традиционными фигурами остаются солдат, купец и миссионер. Только в эпоху неоколониализма XX века миссионер сменился идеологами в виде ученых и политиков. На поверхности неоколониальная практика выглядит следующим образом. Высокоразвитые страны Запада, по средством своих идеологов-ученых и -политиков, активно навязывают менее развитым странам неолиберальную идеологию, пропагандирующую абстрактную демократию с необходимостью обязательной сменяемости власти, свободного рынка и индивидуалистических ценностей. Они создают образы успешного бизнесмена, вводя концепцию, что каждый человек должен стремиться к личному обогащению и профессиональному успеху, что, на первый взгляд, выглядит как универсальный рецепт для процветания. Они внедряют концепции, которые предполагают, что каждая нация должна стремиться к созданию рыночной экономики, где индивидуальные предприниматели играют ключевую роль в развитии общества. В соответствии с данной идеологией,

наилучший способ достижения экономического процветания — это предоставление свободного доступа к международным рынкам без излишнего вмешательства со стороны правительств. Эта идеология укрепляет представления о том, что лишение государств своеобразных протекционистских мер является залогом успешного роста. Весь этот неолиберальный дискурс об экономике обворачивается в блестящую обертку из успеха, красивой жизни, международной дружбы, невиданного уровня толерантности к меньшинствам, конструируемых ежесекундно на реальном и вымышленном основании, с целью разобщения и подчинения.

Однако, за этим фасадом миролюбивой и демократичной пропаганды скрывается глубокое неоколониальное экономическое порабощение. Посредством таких методов, как структурные реформы и программы экономического подчинения, страны Запада оказывают давление на развивающиеся страны, вынуждая их принимать условия, которые не соответствуют их национальным интересам. Объективно режим "прямых иностранных инвестиций" часто приводит к трансформации природных и человеческих ресурсов в пользу иностранных корпораций, что подрывает устойчивость местной экономики и разрушает традиционные социальные-экономические структуры. В результате местные сообщества оказываются в ловушке зависимости и долгов, в то время как их правительства теряют возможность принимать самостоятельные решения для благополучия своего народа или становятся агентами глобального господствующего класса. Таким образом, невидимая рука неоколониализма, прикрытая завуалированными идеями о свободе и демократии, становится инструментом продолжения колониального наследия, вписывая страны в новую глобальную иерархию, где их суверенитет оказывается под угрозой.

Современный этап колониализма начинается с конца XX века, и ему сопутствует однополярная гегемонистская структура международных отношений, новый технологический уклад, который привел к революции в информационно-коммуникативных технологиях, и растущая глобализация. К колониальным практикам современного этапа, помимо экономической, военно-политической эксплуатации добавились стратегии и практики, воздействующие на культурную и духовную жизнь незападного населения. В эту эпоху одним из основных средств колониального порабощения становятся средства массовой информации, такие как киноиндустрия, телевидение, ведение блогов. С помощью этих средств формируется в сознании глобального населения представления о "правильной" морали, которая, как правило, основана на индивидуализме, потребительстве и либеральных идеалах. Например, фильмы Голливуда часто изображают приключения индивидуалистов, которые, преодолевая трудности, достигают успеха, в то время как дружба, культура и традиции представлены как второстепенные или даже мешающие. Такие нарративы подрывают самобытность и традиции коренных народов, приводя к тому, что молодое поколение стремится подражать западным героям, теряя интерес к своим культурным корням.

Воздействие глобальной гомогенной культуры на менее развитые страны приводит к появлению людей, не знающих своего культурного наследия, становящихся частью глобального потребительского общества, где приоритетом становится приобретение материальных благ, а не коллективные ценности. Местные традиции и культура размывается и постепенно уничтожается. Местные обычаи начинают восприниматься как устаревшие или неактуальные, что ведет к культурному отчуждению населения от собственной идентичности.

Таким образом, западный глобальный господствующий класс, отчуждает весь мир от того, что им принадлежит: от ресурсов, сообществ, биологической и духовной сущности. Эти процессы, происходящие в условиях глубоких экономических и культурных изменений, демонстрируют, как неоколониализм проникает в каждую сферу человеческой жизни. В этой связи диалектика войны и мира в контексте современного этапа неоколониализма обнажает реальную противоречивость явления: под "безобидными" практиками культурного влияния скрывается глубокое порабощение современного населения на личностном уровне. Невозможность укрыться от этого воздействия становится частью запрограммированного существования, где человеческое "я" оказывается в ловушке идеалов, навязанных извне Западом, что ведет к утрате подлинного смысла жизни и упразднению культурного наследия.

Изложенное выше относится к диалектике войны и мира, как средств политики, в контексте колониализма. Диалектика же войны и мира, как состояния социального бытия, заключается в том, что государства-гегемоны буржуазной цивилизации осуществляли и осуществляют агрессивную колониальную политику, создавали и создают порабощающую колониальную систему ради достижения мира, мира, который нравится им и о котором они мечтают. Мир – с одним центром и с одной властью над людьми, не более чем биологическими роботами.

УДК 37.034

Соколов Е.Г.,

*Доктор философских наук, профессор,
Санкт-петербургский государственный университет, г.*

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: EGSlov@gmail.com